

Александр Груша

МОГОРИЧ И ЗАВОД КАК ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ УТВЕРЖДЕНИЯ ЧАСТНЫХ ДОГОВОРОВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Что предшествовало документу как средству утверждения и обоснования имущественных прав? В каких формах осуществлялись эти утверждение и обоснование? Обращение к ретроспективным материалам ориентируют нас на предмет поиска – ритуал (обряд). Еще в XV в. в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) ритуалу – судебной присяге, свидетельству Божьей правды – отводилась роль важного средства регулирования правовых отношений.¹ С появлением документа ритуал не исчез: длительное время и тот, и другой балансировали на одном уровне. Факт сосуществования ритуала и документа в ВКЛ стоит в одном ряду с аналогичными фактами, относящимися к западным странам.² Те виды ритуала, о которых в основном говорят источники по истории ВКЛ, использовались в судопроизводстве. Нам меньше известно о ритуалах, применяемых при заключении частных договоров. Но все же дошедшие до нас сведения позволяют осветить некоторые из вопросов их функционирования: что это были за ритуалы, в какой социальной среде они существовали, как долго они сохраняли свои позиции на «официальном» уровне.

Старейшую информацию о ритуалах, используемых при заключении договоров, сохранила продажная грамота Корейвы Адаутовича виленскому бискупу Матею и виленской кафедре на землю в Волковийской волости (Троцкое

¹ Отдельные факты, см: Груша, А. И., Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 1 (2010), 131-156.

² Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследований, опубликованных в недавно вышедшем сборнике Mostert, M. – Barnwell, P. S. (eds.), *Medieval Legal Process: Physical, Spoken and Written Performance in the Middle Ages. Utrecht Studies in Medieval Literacy* 22 (2011), Turnhout 2011.

воеводство; здесь речь идет о не известном по названию селе).³ Эта грамота была составлена в Вильне в 1451 г.⁴ Ее ценность заключается в том, что она выделяет три отдельные процедуры утверждения договора: *могорич*, *завод* земли и издание документа. Четкость границам этих процедур придает информация о месте и времени их проведения и составе лиц, их исполнявших. Могорич и завод были исполнены там, где располагалось отчуждаемое имущество. Грамота же была составлена в другом месте – в Вильне, причем спустя некоторое время. В могориче и заводе участвовали местные жители, свидетелями издания документа являлись другие лица.

Ценность данной грамоты как исторического источника дает основания привести ее полностью (текст подлинника был написан на «русском» языке; из-за сложности обратной транслитерации текст грамоты приведен в транскрипции издания):

W умыа̄ boze amen.

Se ya a nye unaczey Koreywa Adaugowycz przedalem dobrowolnye y s szwyadomym hospodara crola Casimira szemyа̄ swoyā wlasnā volosczy Volkowyska, kojā tho szyа̄mya kupylem byl v Barthosza przeswyskyem Kosyego mystrza y s tā szyemyа̄, kojām cupyl v Maczka Wolkowyanyна, хуа̄дзв Maczeyv byskupowy Vilenskyem y czyrkwy Wylenskey swyentego Stanislaua a wszyalem v nyego za та̄ шыа̄mya duadzesczya y pyacz kop gr. a та̄ шыemyа̄ przedalem ze wszystkymy vszytky y s polmy przedzalanymy y nyepredzalanymy y zyemyamy podlasznymy y z bormy y z lassy y dubrowamy y s worczmy y s rzekamy y ze stawy y s syenozaczmy a konyecznye ze wszystkymy vszytky, ctore nynye ssа̄ y napolthym mogā bycz luczkym rosvmem wymyslone, ny yednego praua sobye y moym potvmkom w thych szyemyach zachowawayacz ale ze wszystkym prauem przerzeczonemv byskupowy y ktorzy po nym bа̄дā byskupi thymy szyemyamy ym wlodacz y dzerszacz na wyeki,

³ По мнению издателей документа, объектом продажи послужила, вероятнее всего, деревня в Игуменском повете – Fijałek, J. – Semkowicz, W. (wyd.), *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej=Codex diplomaticus ecclesiae cathedralis necnon dioeceseos Vilnensis*, Kraków 1932, t. 1, z. 1-[3]: 1387-1507 (KDKW), 231. Однако упоминание в документе волковскийского конюшого («Voynthko konyvszy wolkowski», так в издании, следует читать «волковскийский») скорее указывает на крупный административный центр, каким являлся именно Волковский. Данный конюший – это, очевидно, аналог старых должностей конюших, которые существовали в Вильне, Троках, Городно, Витебске и на Волыни (Любавский, М. К., *Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута*, Москва 1892, 842-844).

⁴ KDKW, 232.

yako ty szyemye bądą dlugye y шыроkye w swoych graniczach. A slubuyą przy czczy y przy wyerze: bądzely kto w thych szyemyach byskupa y cosczyol nagabacz, ya chczą o tho szyą wstampucz, bronzycz, oczyszcz tą szyąmyą.

A przy thym byly **mohorycznyky** [здесь и далее полужирным шрифтом и курсивом выделено нами. – прим. авт.] na ymyą Voythko konyvszy wolkowski y s synem Mikolayem, Paschko y Maczko Oszeneyczy a Maczko Wolkownyanyn.

A kołym thy **szyemye zawodzyl**, bylo przy thym ynszych dobrych ludzy dosycz Wolkowyaq y unnych stronnych.

Pisan Vilnye, aprila myessyacza trzydzestego dnya, indzycta czternastego.

A przy thym byly czy panowye: pan Pyetrasz Montigerdowycz marszalek zyemly lythewskye, pan Sudzywoy namyesnyk kowyensky, Davgyrd Dadauxyss y unnych wyelye dobrych ludzy, ktorzy przy thym byly.

A **pisan Vilnye**, lata Bozego thysyiecznego czotyrysta pyeczdeszyatnego pyuego.⁵

Могорич – старинная процедура утверждения сделки, известная по галицким грамотам 50-70-х годов XIV в. В этих грамотах присутствуют такие формулы: «А питъ *могоричь* оу Быбицкого оу дому за копу грошии»;⁶ «А питъ *могоричь* оу Аньдрька оу дому Лысого за две гривне веснии меду за гривну а пива за гривну»;⁷ «А питъ *моричь* [т.е. *могоричь*. – прим. авт.] в Олеша оу дому за поль гривны грошювь».⁸ Если судить по цитируемым формулам, *могоричь* – распитие контрагентами договора и свидетелями его заключения опьяняющих напитков: меда и пива. Это распитие имело ритуальный и символический характер. В грамоте Корейвы указано только пять *могоричников*. Это мало для спонтанного пира. Возможно, поздним свидетельством распития *могорича* является информация о том, что одна из процедур правового акта была совершена в корчме.⁹

Могорич известен по поздним источникам – частнопровым документам XVI в.¹⁰ Это следующие документы:

⁵ Там же, 231–232.

⁶ Розов, В., *Українські грамоти*, Київ 1928, т. 1: XIV в. і перша половина XV в., 10 (1359).

⁷ Там же, 12 (1366).

⁸ Там же, 26 (1378).

⁹ Указание места издания в одном из частнопровых документов: «То ся делало у Матиясовом дому у плебаннскои корчми» (Jablonskis, K., XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 51 [1500 г.]).

¹⁰ Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių biblioteka (Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук – LMAVB), RS, f. 37, b. 786 [1523]; f. 256, b. 2472 [1507-1508], 2505 [1507],

- 1) продажный лист Кузни Минчевича и его братанича Момося Нарку Жвибовичу на сеножать возле р. Лопойна за пол копы грошей и за барана «в обель вечно и непорушно»;¹¹
- 2) меновный лист Павла Монтримовича и его брата Едки Миколаю и Шимку Монковичам на отчинную землю;¹²
- 3) меновный лист Петраша Миколаевича Миколаю Монковичу и его братье на землю Порпшишок и на владения за р. Стрева, за землю в бору на Великой дороге возле Моисеевой нивы;¹³
- 4) продажный лист боярина Мицки Талюшевича Миколаю Ежавичу на отчинную землю за рубль грошей;¹⁴
- 5) продажный лист Бернута Петровича Моньке Друсиловичу на отчинную нивку за пол копы грошей «обель вечно, никим непорушно»;¹⁵
- 6) заставной лист Томаша Трумпю Нелюбовича и его братанича Матея Миколаевича подскарбему ретовского державцы Павлу Петровичу на ниву селища «у Бурнех» за две копы грошей;¹⁶
- 7) продажный лист Юрья Родивиловича пану Венславу Бартошевичу на ниву над прудом за копу грошей и за овцу.¹⁷

Некоторые из рассматриваемых здесь документов содержат в себе другие факты использования традиционного опыта. В данном случае речь идет об «отмене», под которой здесь, видимо, надо понимать одну из форм ответного

2506 [1508], 2507 [1526], 2679 [1527]. Документ, хранящийся под номером 2505, К. Яблонскис датировал 1507 г. или 1522 г. Документ же, хранящийся под номером 2506, этот же ученый отнес к периоду около 1520 г. (Jablonskis, K., Lietuvos rusiškių aktų diplomatika, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 273). Судя по упоминанию в этих двух документах одного и то же лица – дьяка Мотея Тольшмановича, эти документы могут быть близки по дате. Этот же дьяк упоминается в документе, хранящемся под номером 2472. Благодарю С. В. Полехова за указание ф. 256, б. 2472, 2505, 2506, 2507, 2679.

В литературе на свидетелей-могоричников обратил внимание К. Яблонскис (Jablonskis, K., Lietuvos rusiškių aktų diplomatika, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 262).

¹¹ LMAVB, RS, f. 256, b. 2472 [1507-1508].

¹² Там же, RS, f. 256, b. 2505 [1507].

¹³ Там же, RS, f. 256, b. 2506 [1508].

¹⁴ Jablonskis, K., XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 63 [1515 или 1530].

¹⁵ LMAVB, RS, f. 256, b. 2507 [1526].

¹⁶ Там же, RS, f. 37, b. 786 [1523].

¹⁷ Там же, RS, f. 256, b. 2679 [1527].

дара.¹⁸ Из указанных источников следует, что контрагенты договора не были хорошо оснащены современными им средствами письменной технологии. Многие из них, как надо полагать, не имели собственных печатей, и поэтому просили прикрепить печати свидетелей, писцов документов, местных должностных лиц, иных персон. Показательно, что некоторые из этих листов различают могоричников и добрых людей-свидетелей, выделяя тем самым могорич в отдельную процедуру:

*А при том были магаричники: Шеди Петрашевич а Янко Диржевич, а Михно Лавринович, а Мацко Дотевич, Степан Радивилович, Суркгин Крикович. А при том были добрыи люди: Ян Коркозович, боярин Дорсунишское волости, а Миколаи Дирмеикович а Пашко Лавринович.*¹⁹

В заставном листе Томаша Трумпко Нелюбовича и его братанича Матея Миколаевича (лист датируется 1523 г.) сказано: «А при том были могоричники, которые тыи пенязи на свои руки взяли: Миколаи Воишвиллоитис, Родюс Жостовтович».²⁰ Сконцентрируем внимание на сведениях протипцированного источника. Деньги шли «через» руки добрых людей. Очевидно, это также обряд. Акт утверждался путем прикосновения к деньгам как некоему значимому для сделки символическому предмету. Предшественником денег в этом обряде «приложения рук» являлся какой-то предмет, участвовавший в ритуальном действе.²¹ О символическом характере получаемых за продажу имущества денег говорит тот факт, что в дальнейшем эти деньги получили наименование ритуала – «могорич». Очевидно, так следует понимать смысл формулы: «А при том были и могорич взяли».²²

¹⁸ «Я, Бернуги Петрович, и з жоною моею и з сыном нашим Ондреем... продали есмо свою нивку очинную... Монку Друсилловичу и его жоне и детем их за пол копы... А отмену дал Монко земли на севалню жита против тое нивки» (Там же, RS, f. 256, b. 2507 [1526]).

¹⁹ Там же, RS, f. 256, b. 2507 [1526].

²⁰ Там же, RS, f. 37, b. 786.

²¹ Важности прикосновения к значимому для договора предмету посвящена блестящая работа: Declercq, G., *Between Legal Action and Performance: the Firmatio of Charters in the Early Middle Ages*. In: *Medieval Legal Process: Physical, Spoken and Written Performance in the Middle Ages. Utrecht Studies in Medieval Literacy* 22 (2011), Ed. Mostert, M. – Barnwell, P. S., Turnhout 2011.

²² LMAVB, RS, f. 256, b. 2679 [1527]. Возможно, с могоричем как-то связаны нестандартные формулы частнопрововых документов, указывающих, что «то ся деяло у дому», т.е. сделка состоялась у кого-то на дому: «А то ся деяло в дому Юрья Нацовича, мещанина моишеголског(о) ...» (Там же, RS, f. 18, b. 206/1, l. 572 [первая треть XVI вв.]),

Какую еще информацию могут дать нам указанные источники? Последние расширяют географию исполнения могорича. Это – не только Волковыйск, но также Дорсунишки (Троцкое воеводство), Высокий Двор (Троцкое воеводство), Упники (Виленское воеводство), Жижморы (Троцкое воеводство), Крожи (Жомойтская земля).²³ Понятно, что реальная география могорича в то и в более раннее время была еще шире.

«А тое ся деело у дому мещанина моишекголског(о) у Мартина Воишковича Лютора» (Там же, RS, f. 18, b. 206/1, l. 595 [1515]), «A tho szyą sthalo w domv Stanyslavovym, v myeszczanya keydanskego...» (Jablonskis, K., XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 53, 1523 г.). Указания на дом как место составления грамот имеются в галицких грамотах, в которых говорится о могориче (см. цитируемые выше галицкие грамоты). Одни из таких ранних грамот относятся к Вольни – «в дому в пана Микитине» (Radzimiński, Z. L. et al. (wyd.), *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*, Lwów 1887, t. 1: 1366-1506, 50, 1458 г.).

²³ Местом составления второго и третьего листов были Дорсунишки. Так явствует из самих этих листов (LMAVB, RS, f. 256, b. 2505 [1507], 2506 [1508]). В перечнях добрых людей-могоричников этих документов значатся Бутко Ейтгинович, Петр Некрашевич, Богдан Борткович и Миколай Моисеевич. Лица с первыми тремя именами присутствуют в Переписи войска ВКЛ 1528 г., и указаны они в нем как бояре Дорсунишской волости (Груша, А. I. et al. (падрыхт.), *Пераніс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга Публічных спраў 1*, Мінск 2003 (*Пераніс 1528 г.*), 91). О Миколае Моисеевиче известно по другим источникам. Согласно им, Миколай также являлся боярином Дорсунишской волости (Antanavičius, D. – Baliulis, A. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Кнуга Nr. 12 (1522-1529). Užrašymų knyga 12*, Vilnius 2001, 479, 1527 г.). Там же – в Дорсунишках – была, очевидно, утверждена сделка, о которой сообщается в первом листе (LMAVB, RS, f. 256, b. 2472 [1507-1508]). Этот лист, также как и второй документ, был подготовлен дьяком Мотеем Тольшмановичем – боярином Дорсунишской волости (*Пераніс 1528 г.*, 91. Здесь он записан как Матыас Тольшманович). Этот дьяк приложил печать к третьему листу; как уже говорилось, этот лист был составлен в Дорсунишках (LMAVB, RS, f. 256, b. 2506 [1508]). Четвертый лист был издан в Упниках. Местом составления пятого листа были, видимо, Жижморы. Среди перечисленных в нем могоричников и добрых людей фигурируют Степан Радивилович и Пашко Лавринович. В Перепись 1528 г. включены два боярина Жижморской волости с такими именами (*Пераніс 1528 г.*, 85). Относительно одного человека, который отмечен в рассматриваемом листе среди добрых людей, сообщается, что он являлся боярином Дорсунишской волости. В этом же документе говорится, что к нему приложил печать боярин Сомилишской волости (LMAVB, RS, f. 256, b. 2507 [1526]). То, что составитель листа привел сведения о региональной принадлежности этих двух бояр, указав, что они проживали в Дорсунишской и Сомилишской волостях, исключает вероятность составления данного листа в упомянутых волостях. Шестой лист был составлен в Крожах. Местом издания седьмого листа являлся, очевидно, Высокий Двор. В данном листе

Следует признать, что состав контрагентов и свидетелей договоров, о которых сообщается в этих документах, с трудом поддается идентификации. Несомненно, часть этих договоров – это договоры между боярами. Покупателем земли в одном из них был пан Венслав Бартошевич.²⁴ Титул «пан» указывает на высокое положение Венслава. В его персоне угадывается высокодворский боярин, а в дальнейшем дирванский тиун Венцлав Бартошевич.²⁵ Неизвестно, к какому социальному слою принадлежал второй контрагент сделки – Юрьи Родивилович. Благодаря Переписи 1528 г. мы, впрочем, имеем неплохое представление о тех лицах, которые присутствовали при заключении договора и кто «взял могорич». Пятеро – Венслав Бутовтович, Петко Станевич, Матей Хрщонович, Янушко Нацевич, Мицко Мелкович – это бояре Высокодворской волости.²⁶ О двух из них – Еншусе Юшковиче и его сыне Матее – в документе сказано: «повету Троцкого», т.е. следует читать «бояре повету Троцкого». Почти все упомянутые здесь высокодворские бояре – не отягощенная

приведена санкция на случай нарушения договора – штраф, часть которого должна была пойти в пользу высокодворского державцы. Пан Миколай Федевич – хоружий Высокодворской волости (*Пераніс 1528 г.*, 86) – приложил печать к этому листу (LMAVB, RS, f. 256, b. 2679 [1527]).

²⁴ LMAVB, RS, f. 256, b. 2679 [1527].

²⁵ Pietkiewicz, K. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9*, Vilnius 2002 (LM-9), 243 [1511]; Antanavičius, D. – Baliulis, A. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12*, Vilnius 2001 (LM-12), 178–179 (1522), 222 (1523), 291 (1524); Lazutka, S. – Valikonytė, I. et al. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija)*, Vilnius 1997, 159 (1525), 167 (1525). Согласно Переписи 1528 г., он выставял три всадника, т.е. имел в своем владении 24 службы крестьян. Он, а также высокодворский хоружий Миколай Федевич в 1528 г. были самыми богатыми людьми Высокодворской волости (*Пераніс 1528 г.*, 86). Сохранились сведения о конфликте Венцлава с жомойтским бискупом Миколаем. На каком-то этапе этот конфликт приобрел острый характер. Дошло до того, что по приказу бискупа имущество Венцлава было разграблено, он сам и его сын были заключены под стражу. Более того, Венцлав был подвергнут «клятве», а в костеле, находившемся во владении Венцлава, бискуп запретил крестить детей, венчать и служить литургию (Karalius, L. – Antanavičius, D. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14*, Vilnius 2008, 135–136 [1524]).

²⁶ *Пераніс 1528 г.*, 86–87.

богатством и почестями шляхта (не имеющая – по Переписи 1528 г. – зависимых крестьян), сохранявшая приверженность старым традициям.²⁷

Заслуживает специального внимания сделка между Кузней Минчевичем и его братаничем Момосем с одной стороны и Нарком Жвибовичем с другой о продаже сеножати. Среди ее свидетелей – добрых людей-могоричников, был нешляхтич – кузнец («коваль») Волалис Микович. Этот факт можно трактовать как свидетельство того, что состав добрых людей и могооричников, добрых людей-могоричников имел надсословный характер. В общем, так оно и было. Во всяком случае, в продажном листе боярина Мицки Талюшевича в качестве могооричника назван упницкий мещанин Войтко.²⁸ Но применительно к данному случаю мы располагаем указанием на то, что сам этот договор был заключен между крестьянами. Лист, его оформивший, был подготовлен дорсунишским боярином – дьяком Мотеем Тольшмановичем. Следовательно, можно предположить, что указанная сделка состоялась в Дорсунишках. Если это так, то среди жителей Дорсунишской волости и надо искать перечисленных в источнике добрых людей-могоричников. Одного из них мы, по всей видимости, и находим – Юрья Ондреевича. В источнике за 1516 г. под этим именем фигурирует тяглый человек Дорсунишской волости, который среди многих иных людей был пожалован ясвоинскому державце пану Ивану Тимофеевичу Плещееву Юрлову. Результаты данной идентификации могут на первый взгляд показаться совпадением распространенных имени и отчества, если бы в одном перечне пожалованных тогда же Юрлову крестьян Дорсунишской волости мы не обнаружили весьма редкое имя и очень редкое отчество – Нарко Жвибович.²⁹ Так звали одного из контрагентов данного договора. На основании этого факта мы делаем вывод, что рассматриваемая сделка являлась сделкой между крестьянами.

²⁷ До нас дошли известия об одном из добрых людей-могоричников договора между Петрашом Николаевичем и Миколаем Монковичем – Миколае Моисеевиче (LMAVB, RS, f. 256, b. 2506 [1508]). Он являлся сыном дорсунишского хоружего. В 1527 г. Миколай бил челом господарю и просил дать ему должность дорсунишского хоружего на том основании, что еще «прадед и дед, и отец его почол от дяди нашего великого кн(я)зя Витольта, и за отца и брата нашог(о), славное памяти королеи ихъ м(и)л(о)сти, держали з данины их м(и)л(о)сти хоружое Дорсунишское, и николи деи з домовъ ихъ тотъ вряд не выхожываль». Эту должность великий князь на челобитье Миколая пожаловал ему (LM-12, 479, 1527 г.).

²⁸ Jablonskis, K., XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 63 [1515 или 1530]).

²⁹ LM-9, 179.

Использование могорича крестьянами указывает на древность этого ритуала, а сохранение его в среде бояр говорит о его достаточно прочных позициях даже в позднее время. Мы знаем, кто составил два листа из числа рассматриваемых здесь документов. Это – дорсунишский боярин дяк Мотей Тольшманович. Очевидно, его перу принадлежит и еще один лист, а именно тот, к которому он по просьбе одного из контрагентов приложил печать – меновный лист Петраша Миколаевича Миколаю Монковичу и его братье.³⁰ Мотей Тольшманович являлся обладателем современной на то время технологии, какой было письмо, но одновременно глубоко чтит старые традиции. Это почтение выразилось в том, что, подготавливая документы для своих земляков, он считал нужным косвенно указывать на исполнение обряда могорича. Эти традиции почитали и другие участники договоров.

Уникальность всех этих документов как источников по традиционной культуре делает необходимым процитировать некоторые из них:

Я, Бернуги Петрович, и з жоною моею и з сыном нашим Ондреем вызнаваем сим нашим листом сами на себе, што ж продали есмо свою нивку очинную, никому ничим не пенну Монку Друсиловичу и его жоне, и детем их за пол копы гроши обел вечно, никим не порушно.

А при том были магаричники: Шеди Петрашевич а Янко Диржевич, а Михно Лавринович, а Мацко Дотевич, Степан Радивилович, Суркгин Крикович.

А при том были добрыи люди: Ян Коркозович, боярин Дорсунишское волости, а Миколаи Дирмеикович, а Пашко Лавринович.

А на лепшую справедливость и твердость я, Бернуги, верху писаныи и з жоною моею били есмо чолом Станиславу Кгирдевичу, боярину сомилишскому, абы печат свою приложил. И его милость на наше чоломбите тое учинил: печат свою приложил к сему нашому листу.

А отмену дал Монко земли на севалню жита против тое нивки.

Писан мая 13 день, [индик] 14.³¹

Я, Кузня Минчевич, и своим братоничом Момосем и сыном своим Яном вызнаваем сим нашим листом сами на себе, што жь есмо продали сеножат свою подле Лопоини Нарку Жъвйбовичу за пол копы гроши и за барана в обел вечно

³⁰ LMAVB, RS, f. 256. b. 2506 [1508].

³¹ Там же, RS, f. 256, b. 2507 [1526].

и непорушно, а никому ничим не пенливу. А мне, Кузни, а ни моему братони-чу, а ни моему сыну не надобе поискивати, а ни откупати.

А при том были добры люди могоричники: Юрьи Ондревич а Венцько Бертошевич, Геистор Явнеикович, Нарвид Пацович, Рачко Лигеикович, Римко Пикович, Юрьи Климович, Волалис Микович, ковал.

А писал дьяк Мотеи Тольшманович.³²

Нельзя пренебречь и следующим фактом. Рассматриваемые документы в некоторых случаях нечетко определяют объект договора. В меновном листе Павла Монтримовича и его брата Едки сказано, что Павел и его брат передали Миколаю и Шимку Монковичам отчинную землю, а в качестве «отмены» взяли у них «только ж» земли. В этом листе обменная земля никак не названа, в нем нет и указания на то, где находилась эта земля, отсутствуют другие признаки локализации упомянутого владения.³³ Как документ с таким неясным обозначением объекта договора мог служить доказательством прав в суде? Наш ответ таков. Подобный документ являлся лишь вспомогательным средством обоснования прав. Главную роль в этом обосновании должны были играть какие-то иные средства.

Один источник, содержащий информацию о могориче, возможно, косвенно указывает на некоторые устные операции, применяемые при заключении договора. Интитуляция меновного листа Петраша Миколаевича имеет не совсем типичную формулу: «вызнаваем симъ нашим листом сами на себе усим людем добрым».³⁴ Не является ли приведенная формула той самой, которую озвучивал контрагент, адресуя ее собравшимся на процедуру утверждения договора добрым людям-могоричикам?³⁵

³² Там же, RS, f. 256, b. 2472 [1507-1508].

³³ Там же, RS, f. 256, b. 2505 [1507].

³⁴ Там же, RS, f. 256, b. 2506 [1508].

³⁵ Источники сохранили сведения и еще об одной сделке, совершенной Томашем Трумпо Нелюбовичем – юридическим автором одного из рассматриваемых здесь листов (Там же, RS, f. 37, b. 786, 1523 г.). Он и его брат Миколай продали боярину Адаму Ганусовичу дворец в с. Пилсуда Коршевской волости. Эта продажа была подтверждена великим князем в 1514 г. (в источнике Томаш назван «Трумпан Любович») (LM-9, 225). Скорее всего, эта сделка была совершена традиционным способом – с участием могоричников, как, впрочем, возможно, были совершены другие сделки, о которых говорит привилей 1514 г.

Определенным аналогом могорича являлся барыш. Барышники являлись свидетелями купли не только лошадей, но и иных договоров, например, о залоге людей (*Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею*, Петербург 1903,

О заводе приобретенных владений известно из немногих источников.³⁶ Завод являлся важной процедурой. В процессе завода не только осуществлялось знакомство получателя с границами и составом приобретенных владений, но и происходил символический контакт этого получателя с данным владением. В 1515 г. троцкая воеводина пани Петровая Яновича подала в суд на дворянина Творяна Дремлика за то, что он продал ей имение в с. Долгоброды Берестейского повета, но не завел и не ограничил его. Суд обязал ответчика завести и ограничить имение, а в случае отказа Дремлика сделать это договор должен был быть аннулирован. Из источника, который информирует об этой тяжбе, мы узнаем, в чем заключалась процедура завода. Продавцу предписывалось «объявить», т.е. вслух указать и визуальным образом показать покупателю двор, дворную пашню, сеножати, а также пашни и сеножати его людей.³⁷ Установление контакта нового владельца с приобретенным владением явно сопровождалось исполнением какого-то ритуала. Но о нем нам пока ничего не известно.

По грамоте Корейвы Адауговича, участниками могорича и завода являлись «добрые» люди, жители Волковийского повета – соседи продаваемого владения.³⁸ Соседями контрагентов договоров являлись могоричники и свидетели, перечисленные в листах XVI в. В последних редко применялись формулы, дифференцирующие могоричников и свидетелей. Все эти люди представляли в основном одну единую группу могоричников-добрых людей.³⁹ Участие этих людей в данных операциях как представителей общества служило когда-то санкцией заключения договора и показателем его правовой силы.

Продажный лист Корейвы Адауговича отражает своего рода переходный этап – от традиционных процедур к документу, а листы XVI в. свидетельствуют

т. 20: *Литовская метрика*, т. 1 (РИБ, т. 20), стб. 398, 1516 г.). Этот барыш распивали «з людьми добрыми»: «Купил я в того человека жеребя за польгину грошей и заплатил есьми ему тую полтину черес руки людей добрыхъ, и барышиъ есьмо тили з людьми добрыми», – констатируется в одном документе (Lazutka, S. – Valikonytė, I., et al. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика (1528-1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija)*, Vilnius 1995, 43 [1528]).

³⁶ Напр.: Antanavičius, D. – Baliulis, A. (par.), *Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=Литовская метрика. Knyga Nr. 25 (1387-1546). Užrašymų knyga 25*, Vilnius 1998, 132-133 [1517].

³⁷ РИБ, т. 20, стб. 858-860.

³⁸ «Voythko konyvszy wolkowski y s synem Mikolayem, Paschko y Maczko Oszeneyczy a Maczko Wolkownyanyn».

³⁹ «А при том были добрыи люди могоричники...», «А при том было людей добрых досыт могоричников...» (LMAVB, RS, f. 256, b. 2472 [1507-1508], 2505 [1507], 2506 [1508]; Jablonskis, K., XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje, in: Jablonskis, K., *Istorija ir jos šaltiniai*, Vilnius 1979, 63 [1515 или 1530]).

о сохранении на определенных – территориальном и социальном – уровнях традиционных процедур и в более позднее время. При этом заметим, что составители документов даже в XVI в. все же иногда считали необходимым указывать отдельно состав могоричников, передавать информацию об исполнении ритуала. В свете приведенных данных – о длительном сохранении могорича как утверждающей правовой акт традиционной процедуре – этот обряд применительно к раннему этапу функционирования правового документа в ВКЛ (конец XIV – середина XV в.) следует рассматривать как один из главных средств закрепления частных договоров.

ABSTRACT

Mohorič and Zavod as Traditional Actions of the Confirmation of Private Transaction in the Grand Duchy of Lithuania

Aliaksandr Hrusha

In the Grand Duchy of Lithuania one of the traditional actions which legally confirmed land transactions were *mohorič* and *zavod* (putting). *Mohorič* is drinking by parties and witnesses of the agreement of honey and beer. It is known from fifteenth and sixteenth century sources. Use of *mohorič* by peasants indicates of the antiquity of the ritual, its preservation among noblemen in sixteenth century shows it rather strong positions during later time. *Zavod* among other things was a symbolical contact of recipient with given land. The participants of *mohorič* and *zavod* were “good” people, neighbours of alienated land. Participation of this people in the operations as representatives of a society served as the sanction of transaction and as indicator of it legal force. *Mohorič* in early stage of legal document existing in the Grand Duchy of Lithuania (the end of the fourteenth – the middle of the fifteenth centuries) as one of the main means of confirmation of private transactions should be considered.

Key words: traditional actions, land transactions, ritual, symbolical contact, means of confirmation.